

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН
ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ НАТО ПО ВОПРОСАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

НАТО: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

В этом выпуске:

ОТ РЕДАКЦИИ	1
ВОЗМОЖНА ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ?	3
МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕВЕРО- ВОСТОЧНЫЙ КОРПУС: ВОЕННЫЕ ИДУТ В НОГУ С ПОЛИТИКАМИ	6
РОССИЯ ГОТОВА МОДЕРНИЗИРОВАТЬ ВООРУЖЕНИЯ НОВЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ НАТО	10
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ НАТО	14

♦ ♦ ♦

ОТ РЕДАКЦИИ

12 февраля исполняется год существования Центра документации НАТО по вопросам европейской безопасности в Москве (ЦДН). Младенец, рождение которого было запрограммировано Основопологающим актом Россия-НАТО, можно сказать, встал на ноги и более уверенно смотрит на окружающий мир.

В период, предшествовавший созданию Центра, мы ставили перед собой задачи, ряд из которых уже реализован. Что же сделано?

Во-первых, создана библиотека. Наши читатели имеют возможность познакомиться с новейшими изданиями по широкому кругу вопросов европейской безопасности - от военно-политических

до обеспечения прав человека и меньшинств, от функционирования международных институтов до проблем экологии, информатики и культуры. Выпущено первое издание каталога книг и иных публикаций, которыми располагает Центр, готовится к выходу в свет второе. Библиотека постоянно пополняется, и в этой связи мы выражаем искреннюю благодарность посольствам стран-членов НАТО и стран-кандидатов, которые живо откликнулись на все наши заявки по закупке литературы и, кроме того, осуществляют подписку ЦДН на соответствующие периодические издания. Мы адресуем свою благодарность также Бюро информации и прессы НАТО в Брюсселе, осуществляющему информационную поддержку ЦДН на постоянной основе.

За истекший год Центр посетили около 2 тыс. наших соотечественников, среди них исследователи, журналисты, военные, аспиранты и студенты московских и российских вузов. Они имеют возможность пользоваться системой Интернет с выходом на веб-сайт НАТО.

В библиотеке Центра ведутся досье, используя которые читатели имеют возможность познакомиться с публикациями из российских газет и научных журналов, посвященными отношениям Россия-НАТО, проблемам безопасности РФ и др.

Сотрудники Центра делают все от них зависящее для удовлетворения запросов потребителей информации, передаваемых как в устной, так и в письменной форме.

Во-вторых, предполагалось, что ЦДН будет проводить круглые столы и

конференции. В июне 1998г. совместно с Бюро информации и прессы НАТО была организована и успешно проведена конференция "К первой годовщине подписания Основополагающего акта Россия - НАТО: итоги и перспективы". В конференции приняли участие более 30 представителей западных стран (как из штаб-квартиры НАТО в Брюсселе, так и из ряда исследовательских центров европейских государств) и около 60 россиян, представлявших министерства и ведомства (МИД, МО, Совет безопасности), исследовательские центры и университеты, общественно-политические фонды и ассоциации. Конференция имела резонанс среди российской общественности и показала, что отношения между Россией и НАТО имеют перспективу, если обе стороны будут открыто и откровенно обсуждать существующие проблемы, а не замалчивать их и не откладывать "на потом".

В настоящее время готовится специальное издание материалов конференции.

В-третьих, продолжает выходить аналитический бюллетень "НАТО: факты и комментарии", который рассылается в большинство регионов России. Сейчас уже с уверенностью можно сказать, что он занял свою нишу в массиве информации по вопросам европейской безопасности. На его страницах российские эксперты имеют возможность высказать свою точку зрения на складывающуюся в евро-атлантическом регионе систему безопасности, на отношения Россия-НАТО, на процессы, происходящие в странах Центральной и Восточной Европы и опять-таки связанные с формированием норм и стандартов безопасности, с которыми Европа войдет в XXI век.

Мы высоко ценим сотрудничество с нашими российскими коллегами из различных исследовательских центров, фондов, ассоциаций и университетов в процессе подготовки бюллетеня и выражаем надежду, что и в дальнейшем они будут живо откликаться на наши просьбы по подготовке материалов для данного издания.

При создании ЦДН ставилась еще одна чрезвычайно важная, на наш взгляд, задача - образовательная. Речь шла об организации специальных курсов для российских студентов, аспирантов, молодых преподавателей по проблемам европейской безопасности, где они могли бы прослушивать циклы лекций и участвовать в семинарах, которые ведутся высококвалифицированными специалистами (российскими и западными). Эта функция Центра имеет принципиальное значение в силу того, что в XXI век наша страна должна войти с адекватным восприятием тех процессов, которые уже сейчас формируют будущее как европейского континента, так и мира в целом. От этого во многом зависит, сумеет ли Россия правильно оценить свое место в мире с учетом вызовов безопасности, которые имеют качественно новый характер.

К концу первого года своего существования ЦДН подошел к решению и этой задачи. С 15 по 26 февраля 1999г. совместно с Бюро информации и прессы НАТО Центр будет проводить так называемую Зимнюю академию по теме "Эволюция Североатлантического союза, 1949-1999гг.". В работе академии примут участие представители НАТО, ряда западных посольств, российские ученые, которые будут читать лекции по таким проблемам, как история атлантизма, эволюция политической и военной стратегии НАТО, миротворчество, отношения Россия-НАТО и ряд других. Слушателями академии будут представители 10 регионов России, Москвы и Санкт-Петербурга. Об опыте организации и проведения академии мы расскажем в одном из последующих номеров бюллетеня.

Мы были бы признательны читателям нашего бюллетеня за информацию о том, каким бы они хотели видеть деятельность Центра в будущем.

Зам. директора ИНИОН РАН,
Руководитель Центра
документации НАТО по вопросам
европейской безопасности в Москве
Т.Г. Пархалина

ВОЗМОЖНА ЛИ ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ?

А.А.Пионтковский,
Директор Центра
стратегических исследований

Ядерное равновесие страха и характерное для него понимание стабильности как угрозы взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ) возникли в контексте острого геополитического и идеологического конфликта двух сверхдержав, глобального противостояния их обычных вооруженных сил и реальной угрозы их военного столкновения.

Концепция ВГУ в течение десятилетий была основным теоретическим инструментом, определявшим как строительство ядерных сил, так и соглашения по их ограничению и сокращению. Резкий отказ от нее и переход к другим концепциям ядерной стратегии был бы слишком революционным шагом в момент, когда российское стратегическое сообщество хотело бы прежде всего осмыслить те геостратегические изменения, которые уже произошли.

Характерно, что и в США, которых меньше затронули бурные геополитические катаклизмы и которые могли бы в более спокойной обстановке продумать новые концептуальные схемы, большинство экспертов не склонны порывать, по крайней мере в ближайшем будущем, с концепцией ВГУ.

Таким образом, теоретическая концепция, созданная в период пика холодной войны, чтобы как-то кодифицировать отношения крайней враждебности и подозрительности, чтобы сохранить мир угрозой взаимного уничтожения, пережила саму холодную

войну. Она, безусловно, благополучно вступит в XXI век. И не на страницах учебников, а в самом непосредственном материальном воплощении, потому что даже после реализации договора СНВ-2 условия ВГУ останутся в силе.

Концепция ВГУ в своей строгой и последовательной форме означает сегодня, что Россия и США должны открыть свои территории и не предпринимать никаких мер защиты от потенциальной угрозы иррациональных и безответственных ядерных террористов. Не создается ли ситуация, в которой ядерные стратеги, озабоченные исчезающими угрозами прошлого, оставят человечество беззащитным перед реальной и все возрастающей угрозой настоящего?

США уже давно озабочены проблемой защиты от угрозы ракетно-ядерного терроризма и возможного ядерного шантажа со стороны окооядерных держав. В последнее время очень серьезно воспринимают эту проблему европейские страны-члены НАТО и прежде всего Франция. Надо полагать, что они имеют для этого серьезные основания, принимая во внимание прежде всего потенциальную угрозу на южном фланге Североатлантического союза. Ответом на эту угрозу должна служить разрабатываемая НАТО система тактической противоракетной обороны "MEADS".

В этой ситуации перед российской стратегической мыслью встает необходимость ответить на ряд важных практических вопросов.

Теоретически проблема смены парадигмы стратегической стабильности может неспешно обсуждаться ближайшие 5–7 лет. При любых вариантах развития российских и американских программ система стратегических сил Россия-США останется в течение этого периода в области ВГУ.

Между тем два вопроса требуют безотлагательного ответа.

Первый – является ли актуальной задачей национальной безопасности России защита ее территории от

одиночных террористических ракетно-ядерных ударов?

Второй – как следует относиться к действиям США и их союзников, осознающих для себя такую угрозу и предпринимающих усилия к развертыванию ограниченных противоракетных систем?

Значительная часть нашего стратегического сообщества на первый вопрос отвечает сугубо отрицательно, считая подобную угрозу надуманной. Что касается второго вопроса, то озабоченность США и их союзников защитой от потенциальных террористов считают неискренней, прикрывающей их истинные намерения создать стратегический противоракетный щит, обесценивающий ракетно-ядерный потенциал России.

Я не разделяю эту точку зрения. Она представляется мне в значительной степени идеологизированной, унаследованной от времен борьбы с рейгановской программой СОИ, так и оставшейся на бумаге.

Не вдаваясь здесь в определение стратегических возможностей тех или иных систем ПРО, выскажу еще лишь некоторые соображения.

Реализация соглашений СНВ-2 оставит каждой из сторон потенциал ответного удара, составляющий более 1 тыс. боеголовок. Если будет развернута некая глобальная система защиты со способностью перехвата до 100 боеголовок (что с лихвой перекроет все антитеррористические потребности), то ее существование ни в коей мере качественно не изменит состояние стратегической пары Россия-США. Эта система по-прежнему останется внутри области ВГУ с потенциалом ответного удара у обеих сторон более 900 боеголовок, что более чем достаточно для нанесения «неприемлемого ущерба».

Таким образом, все зависит от соотношения масштаба развертываемой глобальной или региональной оборонительной системы и уровня сохраняемых наступательных средств. Вполне возможно, в принципе, развертывание противоракетных систем, сохраняющих парадигму ВГУ-

стабильности и в то же время решающих поставленные перед ними антитеррористические задачи.

Избежать взаимной подозрительности относительно истинного назначения этих систем можно только в случае согласованного в ходе переговоров процесса их развертывания, а также и открытости и прозрачности их характеристик и возможностей.

Что касается реальности угроз ракетно-ядерного терроризма, то она вполне серьезна. Именно озабоченность этой угрозой, а не какие-то скрытые мотивы, заставляют США и европейские страны НАТО разрабатывать планы защиты их национальных территорий. Если нужны какие-то дополнительные доказательства, то достаточно внимательно проанализировать позицию Франции и Великобритании. Хорошо известно, что обе эти ядерные державы, также как и Китай, весьма негативно относились как к программе СОИ, так и к идее глобальной системы защиты (ГСЗ), когда она впервые прозвучала в российско-американских документах 1992 г. И это было вполне естественно. Россия и США с их огромными даже после намеченных сокращений арсеналами ядерного оружия могут создать систему защиты против ограниченных угроз, не затрагивающую ни их взаимные потенциалы сдерживания, ни тем более их потенциалы сдерживания в отношении других стран. В то же время более скромные потенциалы сдерживания Англии, Франции и Китая, которые эти страны рассматривают сегодня как важнейший элемент их национальной безопасности, могут быть поставлены под угрозу на сравнительно раннем этапе развертывания ГСЗ. Поэтому любые разговоры о противоракетной обороне всегда воспринимались малыми ядерными державами крайне болезненно. Их активное участие сегодня в разработке планов противоракетной обороны южного фланга европейского континента свидетельствует о серьезном изменении в их представлениях о спектре угроз национальной безопасности.

Мне представляется, что и России не следует пренебрегать анализом угрозы ядерного терроризма и уж во всяком случае в оценке ее исходить из объективных обстоятельств, а не из идеологических и методологических установок и штампов прошлых дискуссий.

Что касается подозрений относительно "истинных намерений" США, заключающихся в стремлении лишить ядерные силы потенциала второго удара, заметим, что эта задача, во-первых, нереализуема, а, во-вторых, и об этом часто забывают, такая задача *противоречит интересам национальной безопасности США*.

Весь смысл стабильности по ВГУ заключается как раз в том, что каждая из сторон уверена в надежности потенциала второго удара и поэтому даже в момент острого политического кризиса не имеет ни малейшего стимула к нанесению первого удара. Если же в результате складывающегося соотношения наступательных и оборонительных средств одна из сторон (Россия, например) начнет испытывать сомнения в надежности своего потенциала второго удара, то у нее может появиться искушение в критической ситуации нанести первый удар.

Серьезные американские стратеги всегда это понимали и поэтому программа СОИ не пошла дальше деклараций Р.Рейгана и весьма весомых финансовых вливаний Э.Теллеру и его ученикам на интересную физику.

В свете этих соображений понятен ответ на поставленный выше второй вопрос.

В планах США и их союзников по созданию нестратегических ПРО нам следует видеть не заговор против России, а стремление решить представляющиеся им актуальными задачи собственной национальной безопасности.

Поэтому совершенно непродуктивной и надуманной представляется конфронтация с Западом по этому вопросу. Гораздо более перспективной и отвечающей интересам национальной безопасности России является линия на консультации и

конструктивное сотрудничество в создании нестратегических ПРО.

Такой подход позволит:

- во-первых, потенциальный источник обострений отношений с Западом обратить в область сотрудничества;

- во-вторых, совместное обсуждение и разработка систем ПРО поставит их под взаимный контроль и позволит избежать подозрений в угрозе тех или иных систем условиям ВГУ-стабильности. (Альтернативой было бы саморазвитие западных программ по своим внутренним законам с неизбежным и вряд ли выигрышным для нас экономическим и военно-техническим соревнованием);

- в-третьих, угроза ядерного терроризма присутствует, как мы полагаем, и в спектре угроз национальной безопасности России; а это означает, что вопросы национальной безопасности все более пересекаются с проблемой глобальной безопасности и, следовательно, должны будут во многом решаться в рамках партнерства и сотрудничества;

- и, наконец, что немаловажно, участие в совместных проектах нестратегических ПРО может предоставить серьезные коммерческие возможности для нашего военно-промышленного комплекса, который по всеобщему признанию обладает уникальными разработками в этой области.

Возникает, однако, вопрос — не потребует ли развертывание нестратегических систем ПРО пересмотра Договора по ПРО 1972г. и не явится ли это отступлением от традиционной советской, а затем российской позиции в этом вопросе?

Прежде всего заметим в качестве весьма показательного исторического курьеза, что сам Договор по ПРО 1972г. был серьезнейшим отступлением от традиционной советской позиции. Многие годы, почти вплоть до 1972г., и советская пропаганда, и заявления официальных лиц характеризовали идею отказа от развертывания ПРО исключительно как коварный замысел американского

империализма, направленный на то, чтобы лишить СССР возможности защитить себя от ракетно-ядерного нападения.

Достаточно посмотреть записи бесед на эту тему А.Н.Косыгина и Л.Джонсона в 1967г., где А.Н.Косыгин со всей убедительностью повторяет своему собеседнику все те же аргументы в пользу ПРО и против договора об отказе от таких систем, какие почти через 20 лет приводил Р.Рейган М.С.Горбачеву на их знаменитой встрече в Рейкьявике в 1986г. По крайней мере на уровне своих высших руководителей (не всегда самый компетентный уровень, как оказывается) стороны зеркально поменяли свои позиции на противоположные.

К счастью в промежутке, в 1972г., позиции сторон совпали, и они заключили исторический договор, отвечавший интересам их национальной безопасности и укрепивший стратегическую стабильность. Вместе с системой договоров о наступательных вооружениях он явился практическим воплощением концепции ВГУ-стабильности (MAD-stability), выработанной американской стратегической мыслью и воспринятой нашей стороной в процессе переговоров.

С тех пор многие из прежних пропагандистов, клеймивших саму идею Договора по ПРО, превратились в самых горячих его сторонников и за прошедшие четверть века почти сакрализировали его текст.

Я напомнил эту историю не для того, чтобы кого-то критиковать, но пытаясь сделать более убедительной мысль о том, что Договор по ПРО 1972г. года не являлся и не является ни священным писанием, ни воплощением российской идеи национальной безопасности.

Этот договор всего лишь инструмент реализации определенной идеи стратегической стабильности, созданный людьми, гражданами СССР и США, в 1972г. Тогда обе державы решили максимально открыть свои территории и свое население для нанесения возможного ядерного удара, чтобы убедить друг друга в

неотвратимости возмездия. В 1998г. при другом спектре угроз и другом характере взаимоотношений между ними они могут прийти к выводу, что интересам их национальной безопасности отвечает некоторая модификация этого инструмента, и договориться о согласованном пересмотре тех или иных положений договора.

Тогда, в 1972г., тщательно выверяя каждую запятую в договоре, стороны не могли предвидеть все те угрозы и проблемы, которые могут возникнуть через четверть века.

В этой связи очень справедливым и тонким представляется мне замечание, сделанное В.Белоусом и П.Подвигом в их статье в "Независимой газете" от 11.07.96 "Как сохранить договор по ПРО?": "Необходимо учитывать, что значительная часть планов по созданию стратегических противоракетных систем может быть осуществлена без формального нарушения Договора по ПРО. С другой стороны, вполне возможно, что создание нестратегических противоракетных систем, не представляющих сколько-нибудь серьезной угрозы для стратегических ракет, будет формально противоречить положениям Договора по ПРО."

Интересы национальной безопасности требуют отношения ко всем устоявшимся концепциям и представлениям не как к символам, а как к полезным инструментам, которые время от времени требуют совершенствования и модификации. Особенно в наше время столь бурных геополитических сдвигов.

◆ ◆ ◆

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОРПУС: ВОЕННЫЕ ИДУТ В НОГУ С ПОЛИТИКАМИ

Д.А.Данилов,

Зав. сектором военно-политических исследований,
Институт Европы

Формирование европейскими странами совместных военных структур

вне формальных рамок НАТО - явление относительно новое. Созданная десять лет назад франко-германская бригада в то время скорее была символом особых партнерских отношений двух стран, нежели прообразом или моделью одной из перспективных форм военно-политического сотрудничества европейских государств. Однако укомплектованный и развернутый всего три года назад на основе этой бригады Еврокорпус не только не стал европейской экзотикой, но с его созданием было, по существу, открыто новое направление военной интеграции в Европе. В состав корпуса вошли, наряду с Францией и Германией, их союзники - Бельгия, Испания, Люксембург. Уже в том же 1995 году Франция, Италия, Испания и Португалия подписали соглашение о создании новых многонациональных соединений - сухопутных сил быстрого развертывания Еврофор и военно-морского Евромарфор. В этот "европейский список" сегодня входят также многонациональная дивизия в составе бельгийской, германской, нидерландской и британской бригад, англо-нидерландское соединение морской пехоты; в прошлом году объявлено также о создании германо-нидерландского армейского корпуса и испано-итальянского соединения морской пехоты.

Таким образом, в последние годы мы стали свидетелями нового качества европейской интеграции, распространяющейся на военную сферу и, казалось бы, дальнейшее расширение списка европейских многонациональных формирований уже не несет особой смысловой нагрузки. Отчасти этим, наверное, объясняется, что планы создания совместного датско-германо-польского армейского корпуса не стали заметным явлением европейской политической жизни и довольно слабо отражены не только в средствах массовой информации, но и в специальной литературе. Вместе с тем, это событие, вероятно, не менее интересно, чем в свое время проект Еврокорпуса. Но, прежде всего, остановимся подробнее на самом

"информационном поводе", чтобы недостаток информации не провоцировал чеховский вопрос "а был ли мальчик?".

В первую очередь, важно отметить, что было бы не совсем правильно связывать создание этого нового корпуса, названного Многонациональный северо-восточный корпус (МСВК), лишь с планами присоединения Польши к НАТО. Еще в августе 1995г., когда вопрос об определении конкретных кандидатов и сроков их вступления в НАТО не стоял в практическом плане, министры обороны Дании, Польши и Германии подписали рамочное соглашение (Меморандум о взаимопонимании) об активном трехстороннем военном сотрудничестве. Затем на своей встрече в датском городе Скаген 6-8 мая 1997 г. они приняли принципиальное решение о создании совместного корпуса. Приглашение Польши присоединиться к НАТО (на Мадридском саммите организации), естественно, стимулировало этот процесс сотрудничества и придало ему соответствующие "атлантические" параметры.

Через месяц после Мадрида, в августе 1997 г., министры обороны Дании, Польши и Германии на встрече в польском городе Омулев, официально подтвердив свои намерения, достигли договоренности о начале конкретной подготовки к созданию совместного корпуса, а 28 октября того же года в присутствии трех министров было объявлено о начале процесса сотрудничества национальных армейских дивизий - датской механизированной, базирующейся во Фредерисии, польской 12-ой механизированной дивизии в Щецине и немецкой 14-ой моторизированной пехотной дивизии в Нойбранденбурге. Принимая во внимание задачу обеспечения оперативной совместимости нового корпуса с вооруженными силами НАТО, о трехсторонней инициативе были проинформированы руководящие органы НАТО - Совет НАТО, Военный комитет и SHAPE.

Местом пребывания штаб-квартиры МСВК избран Щецин, удовлетворяющий необходимым военным и географическим критериям. При его создании предусматривается использовать структуры и персонал немецко-датского штаба корпуса ЛАНДЪЮТ (LANDJUT), который базируется в Рендсбурге и будет расформирован в апреле 1999г. Нынешний командующий ЛАНДЪЮТ, генерал-лейтенант Хенрик Экманн займет должность первого командующего МСВК. В должности начальника штаба корпуса в начале лета 1999г. будет утвержден немецкий бригадный генерал Ханс-Йоахим Захау. Оба генерала должны обеспечить синхронизацию расформирования штаб-квартиры ЛАНДЪЮТ с созданием Многонационального северо-восточного корпуса. Таким образом, хронологически этот процесс связан с планируемым приемом Польши в НАТО.

Вместе с тем, штаб корпуса будет представлять собой трехстороннюю военную структуру, не входящую в интегрированную командную структуру НАТО. В мирное время все дивизионные и войсковые подразделения корпуса общей численностью примерно 30 тыс. человек остаются на местах своей прежней дислокации и находятся под национальным командованием. В противном случае формирование МСВК входило бы в противоречие с Основополагающим актом Россия-НАТО, где НАТО подтверждает, что не будет осуществлять свои задачи «путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил», полагаясь лишь на адекватную инфраструктуру.

Все посты штаба корпуса, включая руководство его шестью отделами, по итогам трехсторонних переговоров распределены между тремя странами-участниками. (В отличие от командного звена, где занимаемые должности будут перераспределяться на ротационной основе каждые три года). В 2001г. датского командующего сменит польский генерал, его заместителями станут представители Бундесвера, а к

Дании перейдет пост начальника штаба. В результате ротации в 2004г. МСВК возглавит немецкий генерал, заместителями командующего станут датчане, а начальником штаба - поляк. Планируемая численность штаба - 130 военных и 20 гражданских служащих. Распределение военных должностей предусматривает примерно одинаковое представительство каждой из стран, хотя гражданский персонал будет в основном польский: Польша выделит соответственно 49 и 18 человек, Дания - 35 и одного гражданского служащего, ФРГ - 46 и 3.

Рабочим языком в Многонациональном северо-восточном корпусе будет английский, что является обязательным условием для проведения совместных операций в рамках вооруженных сил НАТО и взаимодействия с ее штабами. В качестве основных задач МСВК определены, во-первых, его участие в совместных оборонительных действиях НАТО в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора, во-вторых — использование штаба корпуса в кризисных ситуациях при подготовке и проведении операций многонациональных сил по поддержанию мира, а также гуманитарных операций и ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф.

В рамках подготовительной работы по формированию штаба МСВК особое внимание уделяется решению задачи адаптации вооруженных сил Польши к условиям и стандартам НАТО. С ноября 1997г. в штабе корпуса ЛАНДЪЮТ проводятся преобразования, позволяющие проводить стажировку польских офицеров, которые затем получают назначение в новый многонациональный штаб в Щецине. С февраля по март 1999г. военнотружущие будущего корпуса получают возможность работать вместе в штабе в г.Рендсбург в новом режиме, опираясь на стандарты НАТО.

После одобрения в марте 1998г. тремя министрами иностранных дел стран-участниц первого отчета с рекомендациями по созданию МСВК,

подготовленного трехсторонней Рабочей группой, и утверждения графика создания корпуса была начата разработка конкретных деталей учреждения штаба корпуса. С этой целью в октябре 1998 г. учреждена Оперативно-подготовительная группа под руководством двухзвездного генерала Эдварда Петржика, а также специальные трехсторонние комиссии, в том числе по созданию единой системы связи (введение натовских стандартов), по проблемам управления, тыловых и вспомогательных служб и т.д. С этого же времени ведется реконструкция соответствующих казарменных помещений в Щецине, после чего начнется строительство непосредственно здания штаба. На проведение этих и других подготовительных работ тремя государствами на паритетной основе выделен совместный бюджет, который составляет 25 млн. немецких марок на три года.

Основным правовым документом, обеспечивающим создание МСВК, является «Конвенция о Корпусе», подписанная тремя министрами обороны 5 сентября 1998г., которая до мая 1999г. должна пройти процедуру ратификации во всех странах-участниках. В этом договоре, наряду с функциональными задачами корпуса, регламентируются вопросы правового статуса личного состава, иммунитета и безопасности, финансовые аспекты - как на корпусном уровне, так и в отношении его военного и гражданского персонала. Конкретные вопросы создания МСВК и работы его штаба, тылового обеспечения регламентируются совместным «Соглашением о Корпусе», заключенным тремя государствами на уровне министров обороны. Детали функционирования корпуса и его штабных структур будут утверждены командующим в документе «Постоянные оперативные процедуры» на основе совместной «Директивы о Корпусе».

Эта подготовительная работа должна позволить провести официальную процедуру учреждения штаба МСВК в конце июня 1999г. и обеспечить его окончательную

оперативную готовность к сентябрю 2000г. Подтверждением этого станет участие МСВК в трехсторонних штабных учениях Crystal eagle в октябре 2000 г.

Создание нового Многонационального северо-восточного корпуса отражает и укрепляет сразу несколько важных тенденций военно-политического развития в Европе. Первая из них, естественно, связана с реализацией планов расширения НАТО на восток. МСВК – первое из военных формирований, включающее войска стран, которые должны войти в НАТО в 1999г. То, что штабные структуры корпуса не включаются в интегрированные командные структуры альянса, не является основанием считать МСВК ненатовским формированием. Он будет частью вооруженных сил НАТО и, в случае необходимости (угрозе военной агрессии против НАТО) будет переподчинен одному из региональных командований союза. Таким образом, формирование МСВК фактически открыло реальный процесс интеграции вооруженных сил стран-кандидатов в НАТО уже в настоящее время, то есть на стадии подготовки к формальному присоединению Польши, Венгрии и Чехии к Вашингтонскому договору. Поэтому значение создания корпуса выходит за рамки трехстороннего военного сотрудничества Дании, Польши и Германии и имеет сильно выраженный атлантический акцент. В практическом плане этот первый опыт военной интеграции НАТО в расширенном составе станет, вероятно, той моделью, которая поможет в дальнейшем процессе интеграции и обеспечении оперативной совместимости вооруженных сил союза после вступления в него новых членов.

Вторая тенденция связана с тем, что формирование МСВК в полной мере вписывается в развивающийся процесс интернационализации военных структур отдельных стран в Европе. Немецкие войска, входящие в состав нового корпуса, являлись последним национальным корпусом Бундесвера. Кроме того, задачи, определенные для МСВК соответствуют процессу трансформации НАТО, придающей

особое значение миротворческому и гуманитарному направлению своей деятельности. По мнению генерала Х. Экманна именно эти задачи являются основными для северо-восточного корпуса, который он возглавит.

Особое значение при создании МСВК отводится, по-видимому, и региональному аспекту сотрудничества, в том числе и в качестве важного средства преодоления конфронтационного прошлого Европы. Представители Бундесвера подчеркивают, например, не только значимость этого трехстороннего проекта в контексте развития сотрудничества западных стран с их восточными соседями, но и акцентируют внимание на той особой роли, которую Германия отводит взаимодействию с Польшей. Дания, явившаяся инициатором развития трехстороннего военного сотрудничества с Германией и Польшей (1994г.), руководствовалась, также как и ее партнеры, тем, что такая формула в полной мере соответствует требованиям безопасности балтийского региона и, являясь одним из важных элементов широкой структуры европейской безопасности, может в будущем играть все более важную роль в укреплении региональной безопасности. Исходя из этого, трехстороннее сотрудничество было с самого начала открыто для участия других стран, в первую очередь - Балтии. В мае 1997 г. министрам обороны Латвии, Литвы и Эстонии было предложено участвовать в обсуждении возможных форм такой расширенной кооперации. Таким образом, создание МСВК для всех трех стран-участниц означает наполнение практическим содержанием их курса на активизацию сотрудничества в регионе Балтийского моря, в том числе в сфере безопасности. Х. Экманн не исключает, что в будущем к сотрудничеству с МСВК в рамках «Партнерства во имя мира» будут приглашены и другие страны, не входящие в структуры корпуса. По его мнению, это могли бы быть, например, Финляндия или государства Балтии.

Избрание в качестве места дислокации штаб-квартиры корпуса польского города Щецин, наряду с чисто

военной мотивировкой, имеет и особый политический подтекст: это еще раз подтверждает окончательный характер послевоенного территориального устройства Европы, а интернациональное сообщество, складывающееся с учреждением МСВК, объединит тех, чьи отцы и деды были непримиримыми противниками в обеих мировых войнах. Штаб корпуса в социальном плане не будет закрытым, концепция его создания предполагает органичную интеграцию военных и гражданских служащих (а это примерно полторы тысячи человек, входящих в штаб корпуса и бригаду обеспечения), а также их семей в польское общество.

РОССИЯ ГОТОВА МОДЕРНИЗИРОВАТЬ ВООРУЖЕНИЯ НОВЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ НАТО

Ф.Н. Маурин,
военный журналист

В конце прошлого года в Москве побывал заместитель Генерального секретаря НАТО по вопросам военно-технического обеспечения Норман Рэй. С первым заместителем министра обороны России Николаем Михайловым и начальником Управления вооружений генерал-полковником Анатолием Ситновым он обсудил проблемы военно-технической кооперации НАТО и России. Г-н Рэй остался доволен сотрудничеством и видит его неплохие перспективы.

В частности, в НАТО обсуждается вопрос, как с помощью российской программы модернизации добиться оперативной совместимости танков Т-72 с системой управления НАТО и тем самым более эффективно использовать их в будущем в армиях Североатлантического союза и стран-партнеров. Россия участвует также в ведущейся в рамках Совещания национальных директоров по вооружениям (СНДВ) дискуссии о спасательных системах подводных лодок и повышении безопасности хранения и транспортировки боеприпасов. В

перспективе вполне вероятно участие России в таких проектах, как повышение противопожарной безопасности на море путем изменения конструкции военных кораблей, а также оценка совместимости российских и натовских систем дозаправки топливом в воздухе.

"Россия способна предложить технические решения некоторых наших сложных проблем", - считает Норман Рэй. Яркая иллюстрация тому - переброска по воздуху самолетами Ил-76 радиолокационных станций НАТО в октябре 1998г. в Турции. По мнению Н. Рэя, дальнейшее сотрудничество может принести выгоду обеим сторонам. И хотя заместитель Генерального секретаря НАТО не сказал впрямую о возможности (в перспективе) модернизации вооружений стран, некогда входивших в ОВД, а ныне готовящихся вступить в НАТО, а также ряда республик бывшего СССР, мысль эта видна между строк.

Действительно, что делать НАТО с неофитами: перевооружать их западной техникой или модернизировать в соответствии с натовскими стандартами имеющееся у них вооружение 3-4 поколения, эффективное и сегодня, в основном советского производства? Суммарное количество сухопутных вооружений стран Восточной Европы - бывших членов ОВД составляет почти половину нынешних вооружений НАТО, авиация - четверть. В то же время военные бюджеты в середине 90-х годов составляли соответственно 12 и 470 млрд. долларов. Это значит, что восточноевропейские страны, вступившие в альянс, не смогут обеспечить минимальный, по натовским меркам, уровень военных расходов как в целом, так и на одного военнослужащего - по этому показателю Восточная Европа уступает НАТО в 5 раз.

Финансовые расходы при расширении Североатлантического союза, по всей вероятности, резко возрастут, когда в ходе интеграции восточноевропейских стран в военные структуры НАТО на первый план выдвигаются задачи унификации и стандартизации вооружений. Вряд ли прагматичный Запад, к тому же

испытывающий сегодня трудности в модернизации собственных вооружений, предоставит неофитам военную технику 5-го поколения бесплатно или на льготных условиях. Сами же они за счет своих бюджетных средств не в состоянии финансировать переход на западную технику по рыночным ценам - даже при двукратном увеличении доли собственных военных расходов.

Таким образом, как считают некоторые эксперты и в России, и на Западе, складывается перспектива своего рода "одностороннего разоружения" восточноевропейских государств после их вступления в НАТО. Альянс допустить этого не может. Отсюда возможны два варианта развития событий. Первый - размещение нескольких дивизий западных стран на территории Восточной Европы. Это потребует дополнительных расходов НАТО в размере 100-150 млрд. долл. (примерно 25-30 млрд. долл. на передислокацию и обустройство одной дивизии). Второй - допуск российской военной промышленности к переоснащению армий восточноевропейских государств под контролем НАТО.

Возможные договоренности о военно-техническом сотрудничестве НАТО и России открывают выход российской военной продукции на западные рынки, как результат можно прогнозировать противодействие такому развитию событий со стороны военной промышленности Запада. Таким образом, НАТО оказывается в своеобразной ловушке: на весь мир заявлено, что расширение союза не направлено против России, а возможности сотрудничества оговорены в Основополагающем акте, и в то же время НАТО будет вынуждена ограничивать деятельность России на разного рода рынках вооружений.

Вопросы стоимости могут сыграть важную роль при определении параметров и сроков расширения Североатлантического альянса. Особенно если учесть, что за последнее десятилетие суммарные военные бюджеты государств-членов НАТО сократились примерно на одну треть, в

результате примерно на четверть был сокращен состав вооруженных сил «старых» стран НАТО и более чем наполовину - расходы на закупку вооружений и военной техники. Под вопросом намеченная на следующее десятилетие модернизация вооружений, переход на технику 5-го поколения. Военные же расходы восточноевропейских государств сократились более чем в 5 раз, они сегодня не в состоянии даже поддерживать содержание нынешнего состава и структуры вооруженных сил, не говоря уже о каких-либо серьезных закупках.

Итак, финансовые расчеты голосуют за второй вариант, то есть модернизацию вооружения советского производства восточноевропейских стран в соответствии со стандартами НАТО. Впрочем, техническая сторона дела тоже. Если для артиллерийских систем, танков и стрелкового оружия проблема не столь актуальна (поставленных бывшим СССР боеприпасов хватит надолго), то для техники ПВО и ВВС это вопрос жизни и смерти: либо это будут полноценные системы, либо бесполезный металл. Для системы опознавания «свой - чужой» натовский самолет - чужой. МиГ-29, оставшиеся на вооружении армии Германии, великолепны как носители, но натовские ракеты на них не подвесишь. Система управления также не адаптирована, что напрямую влияет на безопасность полетов.

На первый взгляд кажется, что в смене подвески ракет нет ничего сложного: один, российский, пилон меняется на другой, натовский и все. Но для смены нужна техническая документация, которая с самолетом не продается (в комплекте поставляется только эксплуатационная документация и инструкции по боевому применению). В нашем же случае нужно именно «залезть» в схему, чтобы интегрировать натовскую ракету с российским бортовым компьютером. Можно поступить иначе: выбросить российский компьютер и поставить свой. Но на компьютер «завязаны» и бортовой локатор, и та же система опознавания. Что, их тоже

менять на свои? Это значит вмешаться в авионику. Возможно нарушение центровки самолета, и его, чтобы быть уверенным в безопасности полета, надо «продуть» в аэродинамической трубе... Словом, процесс этот очень и очень сложный, многоплановый и без изготовителя вряд ли можно будет обойтись.

Чтобы обеспечить безопасность полетов своей авиации в зоне действия зенитных ракетных комплексов (ЗРК), существует система принудительного предстартового опознавания: после нажатия кнопки «Пуск» автоматически идет запрос «свой - чужой», и если это свой самолет, пуск ракеты блокируется, чтобы не сбить своего. Такие случаи и в СССР, и в странах Варшавского договора бывали, потому и ввели систему блокировок вплоть до переносного ЗРК «Игла».

Для систем опознавания вступивших в НАТО восточноевропейских стран натовский самолет «по идеологии» свой, а по техническим решениям - чужой. Тут недалеко и до беды. Поэтому, например, ЗРК «Куб» и «Оса», оставшиеся на вооружении Германии, используются с ограничениями, близкими к примитивизму. Сами по себе это - комплексы-автоматы, но так как система опознавания другая, то оператор ЗРК не нажимает кнопку «Пуск» пока по радио или иным способом ему не сообщат о принадлежности самолета. Это значительно снижает характеристики комплекса. Например, они не могут использоваться в движении. Да, можно старые, советские "запросчик" и "ответчик" выбросить, так как у них другие частотные диапазоны, другие кодовые соответствия, и поставить натовские «Марк-12» или «Марк-14». Но их опять же необходимо сопрягать с бортовым компьютером.

Опыт сотрудничества российских оборонщиков с западными партнерами достаточно обширен. Это и недавнее политическое решение Греции о закупке ЗРК «Тор-М1», и закупка Финляндией комплексов ПВО «Бук-М1», и даже сотрудничество с Францией и некоторыми другими странами в такой

деликатной области, как система нестратегической (тактической) противоракетной обороны. Договор по ПРО 1972г. не распространяется на баллистические ракеты с дальностью старта 3 тыс. км и менее, имеющие скорость полета до 5 тыс. метров в секунду. То есть, не нарушая Договор, Россия может предложить свои услуги тем, кто опасается агрессии со стороны «третьих» стран.

И есть чего опасаться: сегодня Ирак, Пакистан, Индия, Северная Корея испытали ракеты с дальностью старта до 2 тыс. км. Эти технологии быстро распространяются. Например, баллистические ракеты «Аль-Хуссейн» и «Аль-Аббас» - совместное творение Ирака и Северной Кореи. А в основе «новинки» лежат доработанные российские «Скады», дальность которых увеличена с 300 км до 600км и 800км соответственно.

Так что же заставляет тех же Грецию и Францию сотрудничать с Россией в военной области? Из предыдущего примера видно - страх перед потенциальным противником. Но не только. Главная причина, считает советник генерального директора госкомпании «Росвооружение» Александр Лузан, - совокупность экономики и боевых характеристик предлагаемого «товара». СССР всегда был окружен воздушными базами, как тогда говорили, вероятного противника. Их было более 20. Средства воздушного нападения представляли для страны первостепенную угрозу, значительная часть средств оборонного бюджета шла на развитие противоракетной и противосамолетной обороны. Поэтому российские комплексы либо существенно превосходят аналогичные комплексы западного производства по совокупности боевых характеристик, либо не имеют аналогов в мире.

Яркий пример тому - соперничество российских ЗРС дальнего действия С-300 ПМУ1 и С-300ВМ с американским ЗРК «Пэтриот» последней модификации, закончившееся не в пользу американского изделия. А ЗРК «Тор - М1» - единственный в мире комплекс, который

может бороться с высокоточным оружием (ВТО). Именно ВТО принесло успех в операции «Буря в пустыне» и обеспечило точность попадания в недавних ударах по Ираку. «Тор - М1» по стоимости примерно равен французскому одноканальному «Кроталю», то есть действующему одновременно по одной цели. Но «Тор - М1» - двухканальный. Поэтому по сути за ту же цену покупатель приобретает два французских комплекса. К тому же минимальное время реакции - от момента обнаружения цели собственным локатором до пуска ракеты - у российского комплекса 3,2 секунды, у француза - 10-12. Оружие перспективное, на десятилетие опережающее своих зарубежных сородичей. Это - эффективный вклад денег.

Западные заказчики должны учесть и то обстоятельство, что российская оборонка перешла на новый вид сервисного обслуживания: фирма полностью обеспечивает эксплуатацию своих изделий в указанные сроки, доставляя специалистов и запчасти для ремонта. А как в случае боевых действий? При создании комплексов закладывается такая степень надежности, чтобы ее хватило на проведение стратегической (армейской) операции - минимум 8-10 суток.

Госкомпания «Росвооружение» уже предпринимала попытки заключения двухсторонних соглашений с бывшими союзниками по ОВД, предлагая провести модернизацию их вооружений в соответствии с современными требованиями с целью улучшения характеристик и принимая во внимание натовские стандарты. Но представители готовящихся вступить в альянс стран Восточной Европы оглядываются на будущих партнеров и не предпринимают самостоятельных шагов.

Что касается России, то поскольку это - вопрос национальной политики, он должен решаться на правительственном уровне: необходимо обсуждение в МИДе, Министерстве обороны, соответствующих думских комитетах, Совете безопасности и затем - обращение в Совет НАТО с предложением модернизации силами российской промышленности вооружений

восточноевропейских стран, вступающих в Североатлантический союз.

Предложение обоюдовыгодное: у НАТО вряд ли найдутся средства для полного перевооружения новых членов западной техникой, для России это - рабочие места в традиционно сильной оборонной промышленности, проникновение на западный рынок. Акция имеет и политическую подоплеку: через военно-техническое сотрудничество мы сближаемся, а значит менее вероятны взаимные угрозы.

◆ ◆ ◆

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ НАТО

Т.Г. Качалова,
младший научный сотрудник,
Центр документации НАТО по вопросам
европейской безопасности (ИНИОН РАН)

В статье 2 Вашингтонского Договора говорится, что альянс будет "устранять конфликты в международной экономической политике (стран-членов) и способствовать экономическому сотрудничеству между ними"¹.

В докладе "Комитета трех" (1956г.) была отмечена "несовместимость политического сотрудничества и экономических конфликтов", а также выражены "искренние намерения членов (блока) к сотрудничеству и консультациям по вопросам, представляющим взаимный интерес"².

В докладе предусматривалось, что экономическое сотрудничество будет обеспечиваться, главным образом, организациями, находящимися за рамками блока, а консультации внутри блока "должны обеспечить общность подходов правительств стран-

членов в том, что касается политических и оборонных интересов альянса"³.

В соответствии с рекомендациями этого доклада в 1957 г. среди "прочих комитетов" был создан и **Экономический комитет при Североатлантическом Совете** (роль его, конечно же, не сравнима с ролью двух главных натовских комитетов — Комитета оборонного планирования и Группы ядерного планирования).

Сама постановка вопроса о "несовместимости политического сотрудничества и экономических конфликтов" была вызвана обострением торгово-экономической конкуренции между США и восстановившими и наращивающими свой экономический потенциал после второй мировой войны западноевропейскими государствами. По существу США пригрозили им прекращением политического и военного сотрудничества, если Западная Европа слишком активно начнет ущемлять американские экономические интересы. Отсюда и активизация экономического аспекта в структуре и деятельности НАТО, где у Вашингтона имелись особенно сильные позиции и рычаги воздействия на своих союзников.

Роль и значение Экономического комитета не были, однако, четко определены. Его председателем стал директор Экономического директората, уже ранее входившего в штат натовских служб. Этот директор, в свою очередь, подчинен заместителю Генерального секретаря по политическим вопросам, возглавляющему Политический отдел. Таким образом, руководитель Экономического комитета (и Экономического директората) оказывался в прямом смысле слова функционером, подчиненным политическому руководству НАТО.

Экономический директорат, собственно говоря, и проводит экономический анализ "от имени" Экономического комитета. Деятельность эта во многом сводится лишь к составлению справок и докладов по

¹Manuel de l'OTAN. - Bruxelles, 1996. - P. 253.

²The North Atlantic Treaty Organisation: Facts a. figures. - Brussels, 1989. - P. 393. (Text of the Report of the Committee of Three on Non-Military Cooperation in NATO, December, 1959).

³Ibid. - P. 389.

экономическим аспектам военных мероприятий блока и/или его противников. **Главное направление** "экономического сотрудничества", которым должен заниматься Экономический директорат, определяется "принципами" доклада Гарримана, Плаудена и Монне (1952г.) и состоит в анализе военно-экономических затрат стран-членов блока путем подготовки ежегодных обзоров, которые с 1961г. составлялись раз в 3 года, а с 1971г. были заменены пятилетними планами.

Конечно, "экономическое сотрудничество" вряд ли может считаться сильной стороной НАТО, западноевропейские члены которой объединены в рамках ЕС, а США и Канада — в рамках НАФТА.

В отношениях между этими двумя экономическими объединениями Запада, несмотря на заключенный в 1993г. договор в рамках ГАТТ, по-прежнему часто возникают торговые конфликты, в том числе в сфере торговли оружием. Европейский союз, например, не смог помешать конгрессу США принять законы о предпочтительных закупках американских вооружений (среди натовских).

В то же время, несмотря на лояльность союзников США по НАТО, программа создания общего рынка вооружений, предложенная министром обороны США Макнамарой в 1965г., не встретила поддержки со стороны западноевропейских стран (за исключением Великобритании), а настойчивое навязывание американского оружия подчас вызывало даже раздражение.

Стремясь смягчить конкурентную борьбу и укрепить экономическое сотрудничество в рамках НАТО, в Западной Европе и США выдвигают идею "новой атлантической хартии" или "нового атлантического сообщества", которое должно содействовать их единству также и в культурной, научной, информационной и других сферах.

На 40-й сессии Генеральной Ассамблеи НАТО (26 октября 1994г.) главный редактор газеты "Цайт"

Кристофер Бертрам отметил: "Мы больше не можем позволить себе ограничивать отношения между Европой и США встречами министров иностранных дел, министров обороны или начальников штабов, мы должны собрать вместе министров здравоохранения, труда, социального обеспечения и охраны окружающей среды. Если последним нечего сказать друг другу, то у первых тоже довольно скоро исчезнут темы для разговоров"⁴.

В настоящее время немаловажным является вопрос о расширении НАТО на восток. В этой связи представляется, что в данной статье нельзя не коснуться финансово-экономического аспекта этого процесса. Несмотря на то, что ни одна из стран-кандидатов пока не принята в НАТО окончательно, проблема расходов, связанных с присоединением к НАТО новых членов, привлекает к себе определенное внимание.

Например, заместитель председателя Международного бюро мира⁵, американская пацифистка К.Вайс, считает, что новые члены НАТО не смогут сами покрыть расходы для достижения ими хотя бы минимального уровня военно-технической совместимости с вооруженными силами традиционных членов альянса и введения соответствующих стандартов. В значительной степени эти издержки должны будут покрываться американскими безвозвратными кредитами.

То есть часть расходов, связанных с намеченным расширением союза, ляжет на плечи американских и других натовских налогоплательщиков.

Каковы же будут эти расходы?

За последние годы было сделано множество оценок их стоимости. Только в Соединенных Штатах соответствующие оценки были подготовлены Конгрессом, Пентагоном и рядом других организаций.

⁴Mierlo van H. The WEU and NATO: prospects for a more balanced relationship // NATO-Review. - Brussels, 1995. - N 2. - P. 11.

⁵Международная общественно-политическая пацифистская организация. Последний форум-конференция состоялась в Москве (сентябрь 1997 г.).

Расчеты делались и делаются и в других странах-членах НАТО и тем более в странах, желающих вступить в эту организацию, не говоря уже об экспертах самого Североатлантического союза⁶.

Разброс оценок крайне велик, называемые суммы колеблются от нескольких миллиардов до более, чем ста миллиардов долларов, которые будут истрачены на протяжении 10-15 лет. Если взять только американские прогнозы, то официальная версия, подготовленная экспертами Пентагона для американской администрации и опубликованная в феврале 1997г., содержит цифры расходов от 27 до 35 млрд.долларов в течение 10 лет. В докладе Пентагона высказывается предложение, что нынешние члены НАТО могли бы профинансировать до 2/3 расходов, связанных с развитием и модернизацией инфраструктуры новых членов организации, хотя сами Соединенные Штаты готовы выделять на указанные цели лишь 200 млн.долл. в год. Аппарат бюджетной комиссии американского Конгресса обозначил диапазон расходов от 60,6 до 124,7 млрд. долларов, а "РЭНД корпорейшн" - от 42 до 110 млрд. долларов⁷ (правда, на 15 лет).

Однако обсуждение в Конгрессе вышеупомянутого доклада Пентагона заставляет задуматься, насколько соответствуют действительности приведенные в нем цифры. В ходе соответствующих слушаний министр обороны США У.Коэн заявил, что США ежегодно придется тратить на финансирование расширения альянса всего один процент от общих расходов на оборону, т.е. примерно 485 млн.долл. - сумму, более чем в 2 раза превышающую цифру в 200 млн.долл., содержащуюся в докладе Пентагона. Чтобы погасить возникшее волнение, госсекретарь М.Олбрайт заверила членов конгресса,

что общую сумму военных расходов Соединенным Штатам не придется увеличивать. В таком случае непонятно, из каких же источников эти средства должны быть выделены?

В редакционной статье ежеквартальника "Плаушээрс Монитор", говорится, что "хотя, по-видимому, никто не знает наверняка во сколько обойдется расширение альянса, значительная часть расходов, как ожидается, пойдет на поставки оружия"⁸ (одни потребности Польши, Чехии и Венгрии в новых западных боевых самолетах оцениваются в 10 млрд. долларов.). "Как следствие - (вне зависимости от того, будут ли восточно-европейцы сами оплачивать соответствующие расходы и закупать современные вооружения за счет увеличения своих военных бюджетов или добиваться иностранной помощи для приобретения западной военной техники) - в прибыли останутся западные производители оружия"⁹.

Не случайно, крупнейшие представители американского военно-промышленного комплекса столь активно выступают в пользу расширения НАТО. Лоббисты американского ВПК вошли в состав "Комитета США за расширение НАТО"¹⁰.

Заинтересованность американских производителей вооружений очевидна в нынешних условиях, когда сокращаются военные статьи в бюджетах стран-членов НАТО (как и бюджет самого Североатлантического союза). Однако у налогоплательщиков вряд ли вызовет энтузиазм тот факт, что окончание холодной войны вместо "дивидендов мира" может привести к новым военным расходам. Даже охваченное эйфорией большинство населения Польши, Чехии и Венгрии, а также других стран Центральной и Восточной Европы, стремящихся в НАТО, постепенно начинает понимать, что значительная часть финансового бремени в связи с

⁶"The Cost of Expanding NATO Alliance". Congressional Budget Office (CBO), Washington, DC, March 1996; "Cost of the Polish Integration with the Euro-atlantic Structures" by Pawel Wieczorec & Katarzyna Zukrowska, Working Papers 11, 1997.

⁷"NOD and Conversion. International Research Newsletter", 1997, N 42, p. 4, "Cost of the Polish integration...". - pp. 8-9; "Эксперт", 27.10.97. - С. 77.

⁸"The Ploughshares Monitor", March 1997.- Vol. XVIII, N1. - P. 10.

⁹ Ibid.

¹⁰ Общественно-политическое объединение, лоббистская структура. В настоящее время комитет возглавляет Брюс Джексон, один из руководителей компании "Локхид-Мартин".

расширением альянса ляжет на их плечи.

Однако странам Восточной Европы необходимо осознать, что данные расходы попадают в русло общих экономических интересов всех стран, образующих НАТО. Для того, чтобы в будущем пользоваться плодами своих оздоровленных и быстро растущих экономик, поддерживаемых и тесно интегрированных с экономически наиболее развитыми государствами-членами альянса, странам Восточной Европы необходимо на нынешнем этапе уповать не только на совместные, но и на собственные усилия по реформированию своих экономических систем в целом, и систем обеспечения безопасности, в частности.

В заключение хотелось бы отметить, что, хотя экономические разногласия внутри альянса в настоящее время и возможны, но вполне разрешимы и ни в коей мере не способны нарушить

его политическое единство. А поддержка экономически развитыми странами более слабых в этом отношении членов Североатлантического союза может даже укрепить атлантическое единство.

◆ ◆ ◆

Редакционный совет:

**В.А.Виноградов, Ю.П.Давыдов,
А.В.Загорский,
Т.Г.Пархалина (главный редактор),
Ю.С.Пивоваров, А.И.Фурсов,**

Т.В.Нестерова
(ответственный секретарь)

М.Б. Шнайдерман
(компьютерная верстка и дизайн)

Бюллетень публикуется ИНИОН РАН при поддержке Бюро информации и прессы НАТО с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в евро-атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН или НАТО.

© ИНИОН РАН Центр документации НАТО по вопросам европейской безопасности, 1999

Бюллетень рассылается по бесплатной подписке. Заявки направлять по адресу:

117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21, Fax/Tel. (095) 128-7988, Tel. (095) 128-9344

E-mail: parkhalina@inion.ru <http://www.inion.ru>